

Удоды

I.

Крр-ы!

Крр-ы!

Стёпа шёл по розовой дороге и смотрел в малиновое небо. Под ногами юркали мышатки, червячки, многоножки.

Крр-ы!

Крр-ы!

Уютно, с интересом бродил Степан по загадочной, глубокой стране. Всё бы ничего, но, как это часто бывает – внезапно малиновое небо стало растворяться да гнеститься, червячки решили потихонечку пропасть, а уши степановы начали ловить далёкую, ужасную, и почему-то знакомую вибрацию. Конечно! Ёбанный будильник! 7.45! Пора вставать. В школу. Всё-таки, сегодня четверг, а это значит:

-к первому уроку

-первая алгебра

-потом две физики

-потом английский

-потом география

-потом литература

-потом судорожно домой обедать

-потом доделать номера к дополнительным занятиям по математике

-потом (в 16.30) дополнительные занятия по математике

-потом (уставший) домой

- потом логичный перекус (жаль не перепихон)

- потом уроки на пятницу (информатика, русский, биология)

Ещё бы. Комментарии излишни. Ёбанный будильник.

Не снимая с себя одеяла, Стёпа сел на кровати. Так легче проснуться. Просидев минут пять, (ранним утром – читай десять, ибо в данное неказистое время минуты бегут как секунды, а часы – как минуты), он, наконец, встал и, зевая во весь свой утренне-вонючий рот, направился в ванную комнату принимать водные процедуры. Как раз к окончанию оных раздался обычный мамин крик, точнее формула: «Стёп! Стёпа! Каша на столе!». И мальчик, зевая уже более-менее свежим ртом, приступил к поеданию овсяной каши. Горячая, дымящаяся, упорная еда. Конечно же, мама не положила сахара. Стёпа достал сахарницу и от души разбавил пресноту своего завтрака. Теперь овсянка практически идеальна. Степан кушал с удовольствием. Время словно остановилось. Однако ж, - о боги! – пора спешить, ведь на часах 8.23! А к половине в школу. Грустно. Впрочем, по-своему и отлично – ведь школа располагалась совсем близко.

Игнорируя всяческие кофе, Стёпа глотнул воды из пластикового фильтра и побежал в прихожую одеваться. Сегодня прохладно. Октябрь на дворе. Стёпа надел куртку, кепку и утеплённые осенние ботинки.

- Пока! - закричал он маме.

- Стой! А рюкзак! - мама быстро принесла тяжёлый, переполненный рюкзак. - Что ты там носишь? Кирпичи?

- Да хуже! - ответил Стёпа и рванул в школу.

Справедливости ради заметим, что Степан обычно сменкой не пользовался: то историческое время вообще, и та школа в частности легко мирились с отсутствием у детей и учителей регулярной привычки менять обувь перед занятиями.

II.

Естественно, Стёпа опоздал. Урок уже начался, и все чего-то писали. «Опять самостоятельная!..» - подумал Степан и обречённо занял своё место за третьей партой ряда, что у окна.

- Ещё садится и не извиняется! Как ни в чём не бывало! Следующий раз я тебя не пущу. Сколько можно, в самом деле? Причина опоздания? - раздражённо спросила учительница алгебры Элоиза Георгиевна.

- Проспал... - недовольно сказал мальчик.

- Так и жизнь проспять можно. Давай дневник! - грозно потребовала математичка.

- Ох... Пожалуйста... - сонно и угрюмо Стёпа встал с места и протянул свой успевший истрепаться дневник в сухие учительские руки.

Элоиза Георгиевна достала красную шариковую ручку и, тяжело вздохнув, размашисто начала писать в стёпином дневнике. Закончив, и коротко взглянув на провинившегося ученика поверх своих старомодных очков, она вздохнула ещё раз и передала ему дневник.

- Садись скорей. Вырывай листок. На доске задание. Работа на 20 минут.

- Угу. - ответил Степан.

На чёрной матовой поверхности красовались какие-то невообразимые комбинации цифр с многочисленными латинскими буквами. Степан никогда не любил математику, по этому предмету – что уж там – бедолага получал, как правило, двойки и тройки. В этот, очередной раз увиденное на доске совершенно не понравилось Стёпе, но мальчик принялся что-то яростно писать на своём листочке. По прошествии нужного времени Элоиза Георгиевна пошла по рядам собирать работы.

- Оценки скажу в следующий раз. До звонка ещё есть время. Открываем учебники на странице... Не помню, в общем, откройте номера после пятого параграфа!..

Степан был уверен – математика – его проклятие. И школа, и дополнительные занятия...

Ну терпеть он всё это не мог. Потными, подростковыми ночами он часто задавался вопросами: зачем? как? почему? Ответы молчали.

Наконец, прозвенел звонок, и класс вывалил в коридор. Ещё две физики! Слава богу, физика давалась Степану чуть легче алгебры, да и учитель был добрый мужчинка в большой, окладистой бороде. Звали его Сергофан Потапович. Поговаривали, что в летние каникулы он ездил в восточную тайгу жить бобылём и охотиться на глухарей. Только вот правда это или неправда – никто теперь не скажет.

Две физики прошли как одна: Потапович басил и приплясывал на все лады (таким образом время от времени развлекая учеников, дабы они сохраняли светлый ум для

физической науки), однако ж, домашнее задание дал огромное. Степан, как и некоторые другие лирики, конечно, расстроился.

- Держи ухо в остро, а нос поветру! Сварганишь, богатырь, сварганишь! – бодро успокаивал учеников Потапович.

После физик дети пошли на завтрак. Поесть Стёпа любил всерьёз, тем более к третьему уроку он порядком проголодался, а вот перемены-перерывы не жаловал. Оно и понятно – мальчик всегда попадал в драки с более сильными одноклассниками и, надо полагать, часто выходил проигравшим. Задирались всегда товарищи, а нападал Степан. Сегодня произошло очередное межмальчишеское столкновение. Поводом стал веский отказ Стёпы признать В.В. Путина хорошим человеком. Глупо всё это, не по-человечески, но за подобное в той среде можно было здорово схлопотать. Казалось бы – люди, а жизнь звериная. Впрочем, подростки есть подростки.

III.

Английский язык в стёпиной школе преподавала Сарзац Михановна – дипломированный специалист по иностранным языкам и культуре Западного Поморья. Стойкая, чёрная, смуглая, большая женщина. Степан её немного побаивался.

В этот четверг Сарзац Михановна разразилась устной работой, заставив класс по ролям читать выдержки из пьесы Уильяма Шекспира «Macbeth».

- Читай, Вася! Страница 75, с середины страницы! – резко, с хрипотцой потребовала англичанка.

Почесав левую руку, Вася принялся уныло читать пособие:

- The night knight! Remember me! Be white! Come here!

- Читай чётче, тебя не слышно совсем! Как ты произносишь? Не первый год учимся!

Смори как нужно: «The raven's grave detected slave! The night knight! Follow me, bright level do you, Saxons kill the king. The night knight! Remember me! Be white! Come here!» -

поправила Васю Сарзац Михановна.

Стёпа скучающе наблюдал за васиной экзекуцией, он прекрасно знал, что сегодня его не спросят, потому как спрашивали в прошлый раз. Это английский – здесь всё более или менее предсказуемо. До звонка – целых 10 минут. Боже, как долго, сухо тянется время! Вот палочка, вот ещё, вот кружочек, вот хаотичные кривые линии: от безделья Степан решил украсить заднюю страницу тетради. Под получившимся странным рисунком мальчик написал: «Ondatorus».

IV.

Кабинет географии располагался на 4-м этаже школы, где учился Стёпа. Помещение являло собой необъятную строгую коробку с высокой крышкой-потолком, неумеренно заставленную наскоро покрашенными коричневой глянцевой краской партами. Стены коробки были увешаны красивыми фотографиями птиц, зверей, ландшафтов и загадочных географов. На исполинских шкафах стояли десятки глобусов и пара-тройка образцов минералов. Степан всегда испытывал смешанные чувства по отношению к кабинету географии, да и к самой географии тоже.

Предмет вела женщина старо-средних лет Таисия Мартыновна. Вся печаль этого человека собиралась в одной точке: женщина просто не могла принять в себя что-то доселе невиданное, все потуги новаторства со стороны учеников отбрасывались ею со скоростью поезда под названием «Сапсан». Да и другие грешки за ней водились с избытком.

- Звонок прозвенел! Милые мои солнышки! Пять минут вам на повторение, сейчас буду спрашивать пересказ параграфа семь. – сладким голосом пропела учительница, когда вечно сломанный хриплый школьный звонок наконец умолк.

- А я не готовился! У папы день рождения просто был! – крикнул кто-то из учеников.

- Молчи! День рождения у папы! Ишь какой! – сурово, но с иронией сказала Таисия Мартыновна.

Ровно через пять минут учительница многозначительно посмотрела на класс и нежно промурлыкала:

- Степан!

- Э... Что?

- Ты сам знаешь что! Отвечать!

Стёпа был совершенно не готов, вчера он доделывал свою диораму с солдатиками в масштабе 1:35 и совсем забыл прочитать параграф. «Вот бяда!» - подумал он и начал хаотично бегать глазами по учебнику.

- Закрой книжку! Я тебя слушаю. – сурово сказала географичка.

- Боюсь, я тоже не готов сегодня... - сдавленно промолвил Степан.

- Два. – словно перечеркнула последнюю светлую секунду Таисия Мартыновна.

К концу урока двойки (или «параши», как их звали школьники) получили ещё несколько ребят, включая и того, у которого папа справлял день рождения. Большинство получило тройки, и лишь пара товарищей ответила на «хорошо». Да, заработать «четвёрку» или, чего доброго, «пятёрку» у Таисии Мартыновны было, безусловно, высшим пилотажем. Стёпа и его друзья стоически воспринимали «особенность» учительницы не рассыпаться щедротами перед «милыми солнышками».

V.

Оставался последний, шестой урок. Литература. Степан порядком устал, хотелось уйти домой, поесть и посмотреть мультик про загадочных уток по восьмому каналу. Но пропускать нельзя: администрация школы строго-настрого запретила прогуливать, учителя внимательно отслеживали посещаемость учеников. Увы и ах – про мультик сегодня можно забыть, а есть придётся позже.

Кабинет литературы находился на третьем этаже, совсем рядом с женским туалетом.

Учительница была скромная, тихая, но серьёзная особа молодцевато-средних лет. Один бог знает почему – она любила носить крупные, тяжёлые платья мрачных цветов, что повергало детей (особенно девочек) в некоторое смятение. Звали её Руаль Багировна.

- Итак. Урок начался. Как вам, наверное, известно, домашнее задание у вас было выучить наизусть любое из представленных в хрестоматии стихотворений Батюшкова. – тихо сказала учительница, когда прозвенел звонок. – Кто-нибудь готов? Есть желающие? Словно час, прошло две минуты пыльной, серой, устало-дневной тишины.

- Хорошо. Лен, ты готова? Впрочем, неважно. Выходи к доске читать стих. – холодно вызвала ученицу Руаль Багировна.

- Я не очень готова, но я попробую... - начала Лена.

- Выходи! Время не ждёт!

Тяжко вздохнув, Лена поднялась с места и пошла к доске.

Поправив платье и сцепив кисти рук в замок, девочка затянула, будто на одной ноте:

- Растения! Вас много в городе моём!

То баба с воза колыхнётся в нём,

То терем сказочный горой зачахнет,
Урядник выйдет из трактира, пахнет
Святой молвой о Пасхе светлой,
Погоде солнечной привет!
И голуби – что легче облака – летят, не зная бед
Над городом весны, над городом тепла!
Русь велика и удала!..

- Тю! Ты взяла самый маленький стишок! Но я ставлю тебе пять, ибо ты рассказала его хотя бы без запинки. – уже теплее, чем раньше сказала Руаль Багировна.

Следующим вызвали, естественно, Степана. А естественно потому, что он умудрился отсидеться без единой оценки последние два урока. Тогда ему везло. Сейчас везёт другим. Что ж, такова судьба всех школьников.

- Давай Степан, выходи, не тяни. Я знаю, что ты можешь, хотя и ленишься. Ты готовил урок?

- Я... Готовил... Да...

- Тогда выходи и читай стихотворение!

- Эх... Хорошо... - Стёпа нехотя встал и поплёлся к доске.

- Ну! Начинай! – раздражённо и холодно промолвила Руаль Багировна.

- Как на иве птица зеленела,

Падал, обдуваем, грач...

Девушка в дому себя жалела,

Раздавался крутоярый плач... - Стёпа запнулся и вспотел.

- На деревне!.. – громким шёпотом подсказывали товарищи.

- А!

На деревне хорошо весною,

Каплет с неба духа чистота,

Хочется восстать сосною,

Чтобы вековая пустота

Разметалась ветром и золою... - Стёпа вновь запнулся.

Красный, вспотевший мальчик стоял у доски и смотрел куда-то в стену, далеко.

Траурную, серую тишину кабинета порой надрывали хаотичные, но бессмысленные подсказки сочувствующих ребят. Это мучение прервалось холодным голосом Руаль Багировны:

- Три, Степан. Садись. Мог бы лучше. Раз взялся за такое стихотворение, мог бы довести дело до ума. Спасибо на том, что не «Растения!..» взял.

«Лучше бы их взял, право слово...» - подумал Стёпа.

После пары подобных вызовов к доске других учеников, Руаль Багировна, наконец, перешла к писателю и поэту Телешову. А Стёпе уже было всё равно: раз новая тема – можно было и порисовать. Палочка, ножка, борода, усы, глазки, очёчки – и новая фигурка родилась на тетрадном листе. «Bormunkus» - написал под ней Степан.

VI.

14.25. Звонок с шестого урока. Пять минут – пустое, и к 14.30 – вроде полное освобождение. Ан нет. Одевшись, Стёпа вышел на сырое осеннее школьное крыльцо, пошмыгал носом и быстрым шагом, голодный, двинулся в сторону дома. Спешка – это изнуряющее, гулкое, непрерывное состояние души – мерзейше преследовала Степана. Да, многих школьников не коснулась болезнь спешки; увы, но здесь наш мальчик явно попал в судьбоносный овраг упрямой данности. Ученик спешил домой – жизненно важно было поесть и доделать (о, будьте вы неладны!) номера к дополнительным занятиям по математике. На всё-провсё – меньше полутора часов. Выйти из дома на математику лучше около 16.00. Спасибо на том, что хоть школа близко, ибо все прочие места, куда «дополнительно» ходил Стёпа, находились у чертей на выселках.

Прибежав домой, Степан достал из холодильника вчерашний борщ и поставил на плиту, затем включил 8-й канал телевидения в надежде поймать хоть какой-нибудь мультфильм. Показывали рекламу тампонов. «Блядь! Как это всё надоело!..» - подумал Стёпа и выключил телевизор.

Наскоро прикончив борщ (второе – мясо и цветную капусту как-то не хотелось), мальчик затворником сел за рабочий стол в своей большой комнате с целью разгрызть гранитную сталь математической науки. «Чумазо всё... Не так... Ох, скорей бы!..» - несвязно, полупро себя полу-вслух говорил Степан, рисуя цифры и латинские буквы. Нет, определённо математика – чужое, лишнее. Но двойки, двойки, проблемы, трудности – и вот – уже репетитор, уже новые потоки домашних заданий. Стёпа – отдадим должное – был выносливым, смыслённым, в общем-то, мальчиком. А оценки по математике, географии... разве показатель? Видимо, для учителей-родителей – да. Ещё какой. Отсюда ноги ходят. И вот – в аккурат к 16.02 домашняя работа по математике подошла к своему концу.

Быстро сходя в туалет и выпив на кухне остатки компота, Степан оделся и вновь – третий раз за день – вышел в мокрую, холодную осень. День казался устойчивым в своей солнечной освещённости. Ещё не вечер, но уже и не день. Предстояло дойти до автобусной остановки, а там – маршрут №27 до остановки «Улица Софьи Ковалевской». Транспорт пришёл относительно скоро; и естественно, все места были заняты. Во время движения Степан смотрел в окно, без малейшего энтузиазма изучая приговорённые к пробкам автомобили. Иногда мальчик смотрел на почти голые деревья и небо.

Обиталище Мигель Язовны (так звали математичку, женщину неопределённого возраста) располагалось, к радостям нашего ученика, совсем рядом с автобусной остановкой. Жила учительница одна, в поздне-брежневском доме, на восьмом этаже.

Робкий, никакой звонок в дверь.

- Открываю! Здравствуй, Степан, проходи! – радужная Мигель Язовна впустила мальчика в своё тёмное, но уютное жилище, наполненное странными запахами.

- Здравствуйте! Вот, погодка нынче, конечно... Дааа... - смущаясь и стесняясь, ответил Стёпа.

- Погодка блеск! Ну, готов к занятию? – бодро спросила математичка.

- Ох, надеюсь! Я готовился... - словно заразившись оптимизмом учительницы, сказал Степан.

- Ладно, раздевайся-разувайся – вот тапочки – и проходи на кухню. – Мигель Язовна быстро ушла в комнату, видимо, за учебными материалами.

Кухня математички всегда была уютна, тепла, но не страдала идеальной чистотой, что было свойственно кухне, стёпиных родителей. На стенах висели картинки, плакаты, календари – то с кошками, то с природой, то с мировыми достопримечательностями. Вообще, Мигель Язовна была широких взглядов человек, любила путешествовать и читать всё подряд.

- Может, чаю? – спросила учительница, вернувшись с математическими пособиями.

- Нет, спасибо, думаю, сейчас не буду... - заскромничал Стёпа.

- Что ж, приступим к занятию. Покажи, дорогой мой, что ты навалял! – с хитрецей попросила математичка.

- Ну вот. С номера 11 по номер 20 всё прорешал. Как смог. – Степан протянул потрёпанную и измятую тетрадку учительнице.

Минуту Мигель Язовна молча изучала стёпины труды.

- Хм... Хм. Хм! Задорно, весело, бегло! Прямо, гляди, дон Кихот местного разлива! Но... Но кто же так самоуверенно решает? Кто делает такие выкладки? Кто? Почему здесь твой икс равен пяти, когда интеграл от двух игрек равен одной восемнадцатой? – совершенно по-доброму, как-то странно вознегодовала женщина.

- Да, я подозревал... Подозревал что там неправильно, но сейчас, видимо, придётся исправить это... - краснея, говорил под нос Степан.

- Решай! Исправляй! И никаких возражений. Сам. – резко, театрально сказала – как отрезала Мигель Язовна и быстро вышла из кухни.

«Наверно забыла чего... Или позвонить?.. Так всегда. Но я же ничего, совершенно ничего не смыслю здесь!.. Эх, какая она сексуальная...» - подумал Степан, и мысли эти никак не желали покидать его юную голову вплоть до возвращения учительницы.

- Ну? Что делаешь? – спустя энное количество минут громом прозвучал вопрос Мигель Язовны.

Стёпа вздрогнул.

- Э... Я?... Ах, да... Ничего не могу тут... - попытался оправдать свою лень мальчик.

- Ладно. Смотри... - со вздохом начала нудное и долгое объяснение материала Мигель Язовна, сев рядом со Стёпой и взяв простой карандаш.

Всё занятие длилось порядка полутора часов. За эти полтора часа желудок Стёпы принялся активно, с хрустом поедать сам себя, и когда, наконец, мальчик пошёл одеваться в прихожую, предварительно заплатив математичке 300 рублей, он сделал свой первый за сегодня полу-выдох. Ещё 50%. Ещё почти столько же. Но ведь другие 50% - они позади!.. И это радовало нашего ученика.

VII.

Приехав к дому на 27-й маршрутке (к сожалению, она – вечно пахнущая бензином, тошнотворная – оказалась хитрее автобуса и приехала раньше), Стёпа решил зайти в ближайший продуктовый магазин, дабы потешиться недорогой шоколадкой. Наскрести нужное количество монет оказалось тяжело – ибо то было время, когда стёпины карманные деньги пели романсы. Купив маленький «Милкивэй», мальчик прошёл к своему подъезду. Вскоре он – уставший, в куртке, с шоколадкой сидел на стуле в коридоре и думал о мерзости своего бытия, заключённого в простую схему: школа и чуть-чуть отдыха, школа и чуть-чуть отдыха... Стёпины мысли прервал громкий голос мамы,

предложивший вымыть руки и принять пищу. Вздохнув, Степан страдальчески стянул ботинки, снял одежду и направился в ванную комнату.

Во время еды (ужином это назвать весьма трудно, ибо время, в которое Стёпа в тот момент ел, не было в полном смысле ни днём, ни вечером – и главным образом потому, что мальчику предстояло сделать немало уроков на завтра) мама традиционно принялась за вопросы – как странные, так и не очень.

- О, у тебя уставший вид. Отдохни после еды немножко и принимайся за уроки. Что тебе на завтра? – начала мама.

- Эх... Информатика, русский, биология. – пробурчал Стёпа.

- Это важные предметы! Смотри, а то Янар Хасидовна завтра самостоятельную как даст – будешь сидеть, ушами хлопать. Готовься хорошо, биологию ты же любишь! – сказала мама.

- Да люблю... - смутно ответил мальчик и продолжил насыщать свой голодный желудок. Вскоре Степан принялся за уроки. Впрочем, до того он почти не отдохнул. Морально. И всё, что он мог сделать – это оттянуть момент, потратив уйму времени и физических сил: там походил, здесь походил, то почитал, сё почитал, телевизор посмотрел туда-обратно, с домашним зябликом поиграл. Казалось бы, загадка – отчего же Степан так тянул время? А ответ на поверхности лежит – пацану совершеннейше не хотелось, не желалось делать уроки. Он искренне не понимал: зачем всё это нужно? Однако правильность, а быть может, воспитанность, а быть может, и совесть заставили бедолагу сесть за книжки. Ох, если бы то были книжки! Куда там! Совсем не книжки, а УЧЕБНИКИ и ТЕТРАДИ. Эти слова – такие серые, чернильные, грязноватые со слепающе-белыми пятнами, обыденные, неотвратимо-болезненные – мрачными, холодными прутьями плавно и мучительно входили в плоть духовного мира Степана. А он... Он всё понимал, мог долго терпеть и ждать. И в итоге ему осталось лишь вздохнуть и всё-таки приступить к злосчастным урокам.

Домашние задания нередко готовились на кухне. Стёпа относился весьма холодно к своему вечно захламлённому письменному столу, стоявшему в его комнате.

Итак, информатику мальчик выбрал первой. И опять зубрёжка. Хорошо, хоть по своим же записям. «Файлы, системы... Первый, второй пункт... Что за дела? Ну это чистая теория! Это очевидные, но трудные, трудные вещи...» - думал Стёпа, поминутно вздыхая и теребя волосы.

Прошло минут тридцать прежде чем он, наконец, справился с информатикой.

А на часах – без пяти полночь. Сходив в туалет и скушав пирожок с капустой, Стёпа открыл биологию. «Таблица по строению эндокринной системы! Ну, таблицы мы делаем быстро!..» - мальчик обрадовался знакомому и даже иногда приятному типу заданий.

Спустя 15 минут его бодрости как не бывало: в учебнике не нашлось достаточной информации для заполнения клеточек. Стёпа позвал маму.

- Что? Ну это же просто! Попробуй сам! Я собираюсь скоро спать. – возмущённо сказала подошедшая мама.

- Ну я всё что мог, нашёл! Посмотри сама, может, ты что-то увидишь! – попросил Стёпа.

- Если нет здесь – посмотри в энциклопедии! Не сделаешь – не страшно. Ты же знаешь – я не ругаю тебя за оценки. Мне завтра на работу, я ложусь спать. – строго ответила мама.

- Ладно, может, завтра спрошу у кого-нибудь... Надо же доделать... - так пробормотал мальчик и, тяжело поднявшись, отправился в свою комнату за энциклопедией.

Провозившись ещё четверть часа с таблицей, Степан выпил кружку холодного чая, оставленного мамой специально для него, и приступил к последней части сегодняшней работы: русскому языку.

Задание доставило своей неприхотливостью и привычным позитивизмом: всего-то надо было подчеркнуть морфемы да вставить пропущенные буквы и запятые в текст! Почему-то Стёпа даже любил подобные упражнения, хотя смысла в них для себя не видел. Возможно, они просто являлись поводом потренировать хромое чистописание и безобразный почерк, притом с намеренно расслабленным мозгом – ведь Степан писал правильно, не зная норм, интуитивно.

Легко и приятно справившись с русским языком, школьник собрал портфель, сходил на кухню съесть бутерброд и поменять воду попугаю. Часы казали: 02.07. После чистки зубов Стёпа облачился в пижаму, включил ночную лампу и улёгся на кровать с любимой большой книгой «История России. XX век». Долго и сладко вздохнув, он открыл её на с. 179 и принялся читать: «КАЛИНИН Михаил Иванович (07(19).11.1875–03.06.1946 гг.) – государственный и политический деятель. Родился в семье крестьянина в д. Верхняя Троица Тверской губернии. Окончив четырёхклассную сельскую школу, работал по найму у помещика, затем уехал в Петербург, где работал на Путиловском заводе токарем...». Нет, это вдруг начало становиться невозможным. Стёпины глаза предательски стали захлопываться, рука сама потянулась к лампе. «Что за дела? Почему?» - промелькнуло у мальчика. «Это же так интересно! Ну, впрочем, завтра в 15 минут... 15 минут надо встать. Будь она проклята... Сраная школа. Ох, ну хорошо-то как! Прохладно! И она заворачивает нас, меня... Темно, зима, утром темно! И чекушка. Феликс Дзержинский справедливый, он правильно себя вёл... Карачаево зелёным смотрит. Там, на ветках, на ветках... Они... Надо кормушку, кстати, поставить на той неделе. Вспомнил!.. И они прилетят, когда-нибудь обязательно прилетят... Красивые, светлые, добрые...» - Стёпа говорил такие слова, а, быть может, они сами звучали в его голове. Между тем, он бежал к высокому дому, многоэтажке на окраине Москвы. Бежал на голос. На знакомое до боли «Крр-ы! Крр-ы!». И тут, наконец, свершилось: долгожданная стайка диковинных птиц пролетела совсем рядом с головой Степана. Мальчик остановился и посмотрел на небо. Он был по-настоящему счастлив.

КомбинаторЪ,

Осень 2010 – 13 и 19 февраля 2011 года